

этого времени - это основное мое занятие. В 2004 мы организовали Общество Практикующих Психологов (гештальтподход). Это профессиональная общественная организация, объединяющая частнопрактикующих психологов в России, Украине, Белоруссии, Казахстане. Членами организации могут быть только дипломированные психологи и врачи, прошедшие подготовку в течение 4-х лет по программам, соответствующим стандартам Европейской Ассоциации Гештальт Терапии. Направление, начатое в лаборатории патопсихологии Института психиатрии АМН СССР, при поддержке Юрия Федоровича Полякова, привело к развитию системы частнопрактикующих психологов - 700 работающих профессионалов на огромной территории.

Для меня время работы в лаборатории патопсихологии Института психиатрии АМН СССР, а затем ВНЦПЗ АМН СССР, было важнейшим временем развития и становления в свободной, интеллектуальной среде. Юрий Фёдорович Поляков и все сотрудники лаборатории составляли тогда великолепный творческий коллектив, влияние которого на жизнь психологической науки и практики трудно переоценить.

Ю.Ф.ПОЛЯКОВ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОРРЕКЦИЯ И ПСИХОТЕРАПИЯ В ПСИХИАТРИИ

Ю.А. Слоневский

Одна из основных задач этой статьи состоит в том, чтобы с одной стороны прояснить суть отношения Ю.Ф. Полякова к психологической коррекции и психотерапии, а с другой стороны попытаться рассказать о его реальном, осознанном и ответственном вкладе в их развитие. Данные размышления – это послесловие к серии рабочих диалогов с Ю.Ф. Поляковым, как с талантливым и мудрым человеком, с коллегой, с ученым и одним из основателей новой психологической традиции.

Ю.Ф.Поляков в качестве приоритетного проекта научных исследований выбрал направление, связанное с развитием динамической междисциплинарной психодиагностики. Мы оцениваем диагностический потенциал психологической коррекции как ключевой аргумент в пользу развития неклинической

психотерапии. Ю.Ф.Поляков и его сотрудники научно обосновывали и искали пути реализации для законного и естественного права клинической психологии на активное участие в создании моделей реабилитационной, консультативной, психокоррекционной и психотерапевтической помощи и поддержки в клинике эндогенных расстройств.

Психологическая практика середины 70-х начала 80-х годов прошлого века значительно опережала науку в своем решительном и последовательном творчески-поисковом освоении сфер и областей многомерного жизненного пространства. Постоянно расширялся спектр социально-психологических запросов к психологам, как институционального, так и индивидуального характера. Изменения социально-исторического и общего бытийного контекста требовали от психологии незамедлительного и адекватного ответа на реальные вызовы.

Это было время интенсивного, разнонаправленного и инновационного создания принципиально новых психологических технологий, методов и моделей, а так же адаптации уже известных психотехник. В разных профессиональных областях формировался запрос на активное использование психологического знания. Особенно это касалось сфер, тесно соприкасавшихся с проблемами психического здоровья и предъявлявших повышенные требования к умениям и навыкам эффективно использовать личностный, эмоционально-волевой, коммуникативный, когнитивный и социальный ресурс человека.

Следует отметить, что по-настоящему знаковые, системообразующие события, касающиеся качественных изменений в содержании и формах профессиональной деятельности в психологии, происходили в это время не столько в академической, сколько в практической работе. У активных методов обучения, тренингов, психологической коррекции, разных форм консультирования и психотерапия становилось все больше союзников и последователей. Можно было говорить о возникновении комплекса социальных условий, создающих реальные возможности и условия для формирования новых граней и даже типов профессиональной идентичности в психологии. В это время создавались многочисленные неформальные профессиональные объединения. Успешный поиск решения целого ряда конкретных социально-психологических

проблем становился итогом объединения усилий специалистов из разных областей психологической практики и из жестко конкурирующих между собой научных школ и направлений.

Рождалась особая, качественно иная реальность профессионального поиска. В ней чрезвычайно высоко оценивались навыки и умения, связанные с владением современным психотехническим арсеналом. Самостоятельную ценность приобретали специфические способности изменять, трансформировать, оптимизировать течение многих психических процессов. При этом обязательный для «прежней» психологии этап предварительного обоснования любой коррекционной и образовательной программы с помощью экспериментально-диагностического исследования и осторожность в формулировании целей, задач и смысла изменений, как правило, просто игнорировался. Интерес к поиску путей качественного и системного изменения функционирования целостного и единого терапевтического пространства в интересах конкретных пациентов с их актуальным запросом вступал зачастую в противоречие со стремлением специалистов расширить арсенал своего рабочего инструментария и получить новый личный опыт. Характерной чертой этого времени было широко распространенное стремление не столько вникнуть в суть тех или иных конкретных психотехник и серьезно овладеть ими, сколько достаточно поверхностно ознакомиться с ними. В обществе формировалось весьма специфическое пространство активного применения этого знания с целью решения различных задач - от познавательных и психотерапевтических до экзистенциально-развлекательных. Простое любопытство чаще, чем осмысленный и целенаправленный профессиональный интерес, определяло круг изучаемых специалистом психотехник. К сожалению, это была общая для психологии и медицины проблема. Для специалистов из области медицины, образования и психологии наступил период искушения в связи с легким доступом к особому психотехническому знанию.

Следует отметить, что в области клинической психологии в это время существовал достаточно острый дефицит хорошо подготовленных кадров. В основном он преодолевался за счет привлечения профессионалов, не имеющих базовой специализации. В среде «новообращенных» патопсихологов

существовала стойкая анозогнозия к психотерапевтическому, консультативному и психообразовательному ресурсу традиционного патопсихологического экспериментального исследования. Все это было психологически понятно, так как овладение мастерством диагностики в рамках патопсихологии и нейропсихологии и использование всего спектра ее психотерапевтических возможностей требовало высокого уровня профессиональной мотивации и затраты больших сил и времени. Следует иметь в виду, что появились иные, достаточно привлекательные, варианты и пути личностного самоопределения в меняющемся пространстве профессиональной деятельности. Происходило размывание представлений о границах профессиональной компетенции. Внутри профессионального сообщества и около него формировался особый круг «универсальных» специалистов, «независимых», «свободных» от целого ряда нормативных и этических обязательств, обычно обусловленных спецификой деятельности в конкретных областях прикладной психологии. Основным полем их активности были тренинги, консультирование, ознакомление всех желающих с психотехниками. На уровне обычной жизни владение психотехниками из профессиональной проблемы все больше трансформировалось в особый культурный феномен и становилось важным элементом психологической моды, а так же средством экзистенциального поиска.

В этот сложный и интересный период, полный новых возможностей для психологии, я принял решение перейти на работу в одно из отделений клиники ВНЦПЗ АМН СССР, которое занималось исследованием разных вариантов шизофрении, дебютирующей в подростково-юношеском возрасте. ВНЦПЗ был в моем представлении учреждением, предоставлявшем сотрудникам условия для серьезного инновационного научно-практического профессионального поиска.

Для меня, как одного из учеников Б.В. Зейгарник, выпускника кафедры нейро-и патопсихологии МГУ им. М.В. Ломоносова, имевшего опыт разнообразной практической психологической работы в большой областной психиатрической больнице (в том числе экспертной, социально-реабилитационной, психокоррекционной и психотерапевтической работы с больными разных нозологических групп), достаточно поучительным было знакомство с опытом работы психологической лаборатории ВНЦПЗ АМН СССР,

которой руководил профессор Ю.Ф.Поляков. Она включала серьезные экспериментально-диагностические исследования когнитивных процессов и их нарушений при психической патологии определенного типа. Несколько необычным стало так же повседневное научно-практическое сотрудничество с сотрудниками лаборатории, которые были выпускниками других кафедр факультета психологии МГУ (в частности, социальной). Для них был характерен несколько иной подход в понимании и исследовании проявлений психической патологии, в выборе критериев и методов для оценки уровней психического благополучия и здоровья.

Достаточно важным оказалось согласование содержания некоторых важных и привычных, для работающего в клинике психолога, понятий. Речь, в частности, шла о широко используемом в практике понятии патопсихологического синдрома, а так же о психологическом понимании и путях исследования типов дефекта, а так же вариантов жизненного самоопределения и адаптации у больных с эндогенными расстройствами.

Несколько лет я работал практическим психологом в отделе эндогенных расстройств юношеского возраста. Именно в нем, под руководством и при активном личном участии М.Я. Цуцурьковской, осуществлялись программы комплексных междисциплинарных научно-практических исследований. Вся повседневная работа сотрудников отдела была сосредоточена на поиске ответов на многочисленные вопросы, связанные с дифференциальной диагностикой, с ранним прогнозом дальнейшего течения заболевания, с подбором лечения, адекватного состоянию, психофизиологическим и психологическим особенностям возраста, с обязательным и своевременным включением социальной реабилитации. Это была содержательно насыщенная, интенсивная, слаженная и по-настоящему командная работа.

В круг ключевых обязанностей практического психолога, наряду с экспериментально-психологической, социальной и психокоррекционной работой, входил активный поиск возможностей для расширения и углубления содержательно-тематического сотрудничества с сотрудниками психологической лаборатории. Отдел был прекрасной площадкой для проведения творчески-поисковой научно-практической работы. В нем была сформирована и продолжала

расширяться тщательно подобранная катamnестическая когорта больных шизофренией.

Ю.Ф. Поляков прекрасно это осознавал и использовал для планирования будущих исследований. Думаю, что большую роль в выборе тем для работы, играла его готовность найти и выслушать специалиста, способного выступить в роли эксперта при их оценке. Одним из таких серьезных и компетентных экспертов была Мэлла Яковлевна Цуцуйковская. Она обладала и обладает удивительной способностью инициировать и поддерживать многие из совместных клинико-психологических научно-практических проектов. Для Юрия Федоровича, высоко ценившего мнение серьезных клиницистов, умевших широко, креативно и ответственно мыслить, все это имело весьма важное значение при принятии целого ряда ключевых решений.

С самого начала моей работы практическим психологом в отделении наши беседы с Юрием Федоровичем, в частности, по поводу разных по целям и содержанию моделей работы практического психолога в клинике, приобрели регулярный характер. На них шло обсуждение круга возможных и фактических функциональных обязанностей практического психолога, о его месте и роли в построении системы конструктивного сотрудничества научного отдела, отделения клиники и психологической лаборатории.

Ю.Ф. Поляков высоко ценил все, что было сделано сотрудниками лаборатории в направлении исследования когнитивной сферы при шизофрении. Он был одним из лучших популяризаторов и лоббистов этих уникальных достижений. Однако он, как никто другой, понимал, что пришло время для рассмотрения основных итогов исследований в контексте постановки и решения задач реабилитации и психотерапии. Кроме того, по его глубокому убеждению они должны были быть дополнены оригинальными методами исследования личности, эмоциональной сферы, самооценки, уровня притязаний, механизмов осуществления психической регуляции не только с учетом психического состояния, но и совокупного социального контекста жизни больного.

У него не было никаких сомнений в правильности, своевременности и обоснованности курса, избранного руководством некоторых научных отделов и клинических отделений НЦПЗ РАМН, на развитие и внедрение индивидуальной и

групповой форм психокоррекционной работы в качестве обязательного и стандартного способа поддержки и сопровождения больных и их родственников. Ему были близки и интересны наши попытки соединения в рамках интегративной модели психологической помощи и поддержки сильных сторон и преимуществ некоторых психотерапевтических направлений. Речь, прежде всего, идет о потенциале логотерапии, когнитивно-бихевиорального, экзистенциального и некоторых других подходов.

Вместе с тем он опасался, что активное участие психологов в развитии разнообразных форм и методов психотерапии может подтолкнуть процессы, которые могут привести к размыванию границ профессиональной идентичности и выходу за пределы компетенции. Возможно, что именно поэтому он несколько медлил с включением научных исследований по социальной и личностной адаптации, роли методов психокоррекции, психотерапии и семейного консультирования. Так или иначе, он интересовался ходом практического поиска в этом направлении, который происходил в отделениях клиники при активном участии научных сотрудников отделов.

Можно утверждать, что ему импонировало наше стремление рассматривать методы индивидуальной и групповой психокоррекционной работы, прежде всего, в контексте возможностей их использования как специфического диагностического способа для качественной оценки общего реабилитационного потенциала и личностного ресурса жизнестойкости и социальной адаптации больных. Он приветствовал практику открытого обсуждения на рабочих семинарах всего круга мотивов, причин и поводов, которые помогали обосновать и понять важность развития практики консультирования и психологической коррекции в клинике эндогенных расстройств.

Особый интерес у него вызывало проводимое нами пилотажное исследование такого сложного конструкта как уровень психологической готовности и подготовленности больных и здоровых к участию в определенных формах и программах психологической помощи и поддержки. Юрий Федорович поддерживал так же идею косвенного и прежде всего индикативного управления сложными процессами, происходящими в рабочем психотерапевтическом пространстве. Серьезное внимание он уделял различным возможностям

оптимизации процессов непрерывного профессионального развития личности. При этом он подчеркивал важность своевременного формирования содержательной и конструктивной социальной идентичности и ее влияние на становление консолидированной и устойчивой системы личностных смыслов, ценностей и мотивов. Для него было свойственно побуждать коллег к обсуждению существенных различий в системе профессиональных требований и ожиданий, которые могут быть предъявлены к психологам, работающим в научных подразделениях центра или в отделениях клиники.

Юрий Федорович склонялся к тому, что определенная избыточность тем и направлений профессионального поиска в среде практических психологов является обязательным условием для развития плодотворного научного сотрудничества психологической лаборатории с научными отделами. Он всегда очень внимательно относился к анализу содержания докладов и выступлений практических психологов отделений на конференциях клиники. Он подчеркивал важность сохранения за ними права на определенную степень независимости в выборе адекватных задачам и обстоятельствам методического инструментария. Он верил в фактическую реализацию принципа естественного взаимного дополнения в едином проекте опыта научных и практических подразделений.

События последних лет подтвердили реальность многих прогнозов, опасений и надежд, высказывавшихся на регулярных рабочих встречах Ю.Ф. Полякова с коллегами, занимавшихся разработкой и апробацией проекта реабилитационного, консультативного и психокоррекционного сопровождения пациентов и их родственников. В частности, в то время его волновало сохранение и развитие клинических традиций уникальной психиатрической школы А.В. Снежневского.

Юрий Федорович считал, что любые по-настоящему серьезные инновационные исследования в медицинской психологии возможны лишь в конструктивном диалоге и тесном сотрудничестве с представителями отечественных психиатрических школ и направлений.

С другой стороны, он был уверен, что и будущее психиатрии все в большей мере будет зависеть от уровня развития психологии и прежде всего отечественной. Особое значение Юрий Федорович придавал постдипломному

образованию, и, прежде всего, активному поиску путей и средств становления профессиональной и личностной идентичности у специализирующихся в области психиатрии и медицинской психологии. Он высоко ценил способность и умение ориентироваться в том, что составляет основу содержания и смысла профессиональной компетентности и неразрывно связанной с ней личностной ответственности.

Важнейшими условиями плодотворного развития междисциплинарных исследований в области психического здоровья он считал сохранение традиций формирования клинического менталитета и бережного отношения к этике, культуре и технологии проведения научно-практических и фундаментальных исследований в психиатрии. Благодаря его личному авторитету и при непосредственном участии в истории НЦПЗ РАМН осуществлялась в течение многих лет регулярная, по-настоящему творчески-поисковая психокоррекционная и психотерапевтическая работа с амбулаторными и стационарными больными. Эффективность и слаженность этой работы была обусловлена оригинальными экспериментально-психологическими исследованиями сотрудников лаборатории Мелешко Т.К., Критской В.П., Хломова Д.Н., Зверевой Н.В., Гаранян Н.Г., а в последующем Казьминой О.Ю. и др.

В наше время существует огромное число психотерапевтических школ и направлений. Сложились и успешно функционируют многочисленные государственные и частные структуры, оказывающие помощь и поддержку психически больным и их родственникам, как в стационарных, так и амбулаторных условиях. В некоторых из них в основе отношений психологов и психиатров преобладает равноправное сотрудничество, в других психологи выполняют хотя и важные, но, по мнению врачей-психиатров, лишь второстепенные функции. В этих структурах врачи берут на себя избыточные, не свойственные их специальности функции самостоятельного психологического ведения и сопровождения больных. Впрочем, существуют обширные сферы и области, в которых врач-психиатр занимает явно второстепенные позиции. Нужно отметить, что имеют место настойчивые попытки некоторых религиозных конфессий, объединений и сообществ заниматься помощью и поддержкой дезадаптированных людей без учета важности специальной клинической и

психологической диагностики их психического состояния. Это подтверждает необходимость осознания границ профессиональной компетенции и овладения культурой и навыками сотрудничества. Увеличение числа психотерапевтических направлений, зачастую жестко конкурирующих между собой в разных областях жизни, приводит к реальному размыванию представления о границах компетенции и зонах профессиональной ответственности. Возрастают требования к личной ответственности и уровню профессионализма, предъявляемых к участникам междисциплинарных комплексных программ в сфере исследования проблем психического здоровья.

Ю.Ф. Поляков неоднократно предупреждал о подобном сценарии развития событий. Он подчеркивал, что в особо затруднительном положении может оказаться как сфера специального профессионального образования, так и области медицины и психологии, занятые оказанием психиатрической помощи. Разумеется, что он был уверен, что любой кризис в медицинской психологии и психиатрии может и должен быть преодолен в результате их совместных и согласованных усилий (на индивидуальном и институциональном уровне).

Важно подчеркнуть, что большое значение в тех условиях имели личный авторитет Юрия Федоровича, глубокие профессиональные знания, его умение осуществлять комплексное психологическое сопровождение инновационных междисциплинарных исследований на всех их основных этапах осуществления. Именно это позволило уже в самом начале 80-х годов развернуть широкую программу практических, а позднее и научно-практических многоцелевых исследований с целью обоснования и последующего решения задачи оптимизации процессов реабилитации и адекватного выбора структур, которые могли быть адекватной мишенью для психологической коррекции. Все это позволило выйти на создание и апробацию диагностико-коррекционных психологических комплексов. Была сформирована программа из серии авторских образовательных семинаров, имеющих целью приобрести навыки по применению индивидуальной и групповой форм психологической коррекции. Образовательные семинары проводились как со студентами университетов, так и слушателями курсов повышения квалификации. К безусловно положительным результатам можно отнести выделение в качестве отдельной и самостоятельной темы многогранного

исследования уникального диагностического потенциала как индивидуальных, так и групповых форм психологической коррекции. Было положено начало разработке специфических процедур «стресс-диагностики» и системы критериев для динамической оценки ее результатов. Созданный при активной поддержке Юрия Федоровича тренинг социальных навыков стал методом, который органично вписался в практику системной социально-реабилитационной, консультативной и психокоррекционной работы с пациентами и их родственниками, в том числе и во внебольничных условиях. Конечно, вызывает сожаление, что не удалось обсудить перспективы развития некоторых вариантов экзистенциальной, духовно-психологической помощи, в том числе с использованием «сакрального» ресурса текстов, традиций, социальных и культурных пространств, зачастую выполняющих спонтанно и естественно особые функции и задачи жизненной поддержки и сопровождения.

Как и предполагал Юрий Федорович, самыми востребованными инструментами и условиями эффективной работы в области психиатрии и психологии здоровья по-прежнему остаются интегральный институциональный ресурс психиатрии. Также очень важен присущий ее представителям специфический клинический менталитет, базирующийся на этике, нормах, принципах и культуре профессионального подхода к оказанию системной помощи и поддержки больных с душевной патологией.

Литература

1. Борисова О. А., Гусев В. В., Дробашенко Т. Г., Пятницкая Л. Н., Слоневский Ю.А., Комиссарова С.А. Опыт конфессионально-ориентированной реабилитационной работы с психически больными, основанной на анализе их религиозного мировоззрения //Журн. Консультативная психология и психотерапия, 2010, 3.
2. Критская В.П., Мелешко Т.К., Поляков Ю.Ф. Патология психической деятельности при шизофрении: мотивация, общение, познание. - М., изд. МГУ, 1991.
3. Слоневский Ю.А., Бильжо А.Г. Реабилитация больных нервно-психическими заболеваниями и алкоголизмом. - Л., 1986. - С. 130-132.

4. Слоневский Ю.А., Бильжо А.Г., Владимирова Т.В., Василенко Е.В., Пожарицкая Д.А. Особенности организации психосоциальной и трудовой реабилитации больных с юношеской шизофренией (клинико-психологическое изучение малопрогрессирующих форм с благоприятным исходом) // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. - 1988. - Т. 8. - С. 101-108.
5. Слоневский Ю.А. Психологическая диагностика и выбор типа психотерапевтической поддержки подросткам и юношам/ Ю.А. Слоневский// Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы, М., 1995, №3.
6. Поляков Ю.Ф., Хломов Д.Н., Слоневский Ю.А. Место психологической коррекции в процессе реабилитации больных шизофренией // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. — 1987- Т. 87. Вып. 7. С. 1059— 1064.
7. Хломов Д. Н., Слоневский Ю.А., Владимирова Т. В. и др. Применение методов психологической коррекции для профилактики социальной дезадаптации и оптимизации социального функционирования при эндогенных психических расстройствах юношеского возраста: Методические рекомендации. М., 1988.
8. Слоневский Ю.А. Пространства психотерапевтического поиска. Журнал Символдрама № 1(6) 2011.
9. “Programme of sociorehabilitational and psychotherapeutical held for psychic-disordered juvenile patients” // The system we live in/ Family therapy contexts, Book of abstracts.- Krakow. – September 2-7, 1990. –International Family Conference. – p. 169 (в соавт. со Слоневским Ю.А.)